

ДОБРОЕ СОКРОВИЩЕ

“ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ДОБРОГО СОКРОВИЩА ВЫНОСИТ ДОБРОЕ...” (Мф. 12, 35) 0+

По благословению Преосвященного Ионафана, архиепископа Абаканского и Хакасского № 3(309) 12 февраля 2018 г.

НЕДЕЛЯ О СТРАШНОМ СУДЕ

гословствовали, а только о том, были мы или не были людьми по отношению к другим людям. Однако в этой предельной простоте открывается тайна Воплощения Божия и Креста, и Воскресения, и Пятидесятницы. И Его Второе Пришествие во славе будет предваряемо явлением на небе Креста, являющего тайну двуединой заповеди.

Тайна Страшного Суда — тайна общего воскресения, воскресения каждого из мертвых. И это дано нам всем — никто, ни один человек не лишен этого. Мученики купили Царство своею кровью, отцы-пустынники обрели благодать подвигами воздержания, а мы, живя среди мира, можем достигнуть славы Господа самой простой человеческой помощью — накормить голодного, напоить жаждущего, бездомного приютить, утешить больного, посетить заключенного — это то, что может делать всякий. Это предлагается нам каждый день, из этого состоит вся жизнь.

Толкования и изречения святых отцов на евангельскую притчу о Страшном Суде:

Велик будет страх и трепет и иступление в тот час, когда соберет Господь нелицеприятное судилище и отверзнутся страшные книги, где написаны наши дела, слова и все, что в сей жизни думали скрыть от Бога, испытующего сердца и утробы...

Все облечься там в душевное сокрушение, кроме одних совершенных. Восскорбят нечестивые, потому что не думали о конце; грешники — потому что не искали спасения в покаянии и милосердии к ближним. Восскорбят и любившие правду, если не пребыли постоянными, и каявшиеся, если не исправились одновременно. Когда увидят они там венцы победителей, тогда приведут себе на память жизнь свою; узнают полноту блаженства труждающихся и обремененных, узнают, как превосходна была жизнь их, сколь благ и милостив Господь к чтущим Его... (Прп. Ефрем Сирий).

Страшный Суд! Судия грядет, окруженный несметным множеством Небесных Сил. Трубы гласят по всем концам земли и воссоставляют умерших. Восставшие полками текут на определенное место, к Престо-

лу Судии, наперед уже предчувствуя, какой прозвучит в ушах их приговор, ибо деяния каждого окажутся написанными на челе естества их, и самый вид их будет соответствовать делам и нравам. Помилуй нас, Господи, помилуй нас! Восплачем теперь, если не реками слез, то хоть ручьями; если не ручьями, хоть дождевыми каплями; если и этого не найдем, сокрушимся в сердце и, исповедав грехи свои Господу, умолим Его простить нам их, давая обет не оскорблять Его более нарушением Его заповедей, — и ревнуя потом верно исполнить такой обет (Свт. Феофан Затворник).

Есть ли кто теперь, кто верно судил бы о себе и был верно судим другими? Не то будет там: и себе и другим мы все будем открыты. Это всеобщее видение грехов потрясает грешника так, что ему легче было бы, если бы горы пали и покрыли его. Никому не миновать суда, все будет так, как написано в Евангелии. Поревнуй же заранее оправдать себя перед Богом, омывшись в слезах покаяния (Свт. Феофан Затворник).

Ныне Святая Церковь напоминает нам о Суде Божием и тем хочет воодушевить своих чад на большие труды, а нерадивых пробудить от усыпления... Беда наша, что мы привыкли отдалять от себя час Суда... Но придется и нам предстать на Суд и дать отчет за дни и годы жизни... Не лучше ли каждый час держать себя так, как если бы Господь должен был явиться теперь?... Враг знает силу этого помышления и всячески заслоняет его в нашей памяти... Ныне или завтра придет смерть и запечатлеет собою нашу участь навсегда, ибо по смерти нет покаяния... В чем застанет нас смерть — в том и предстанем на Суд... Запечатлейте образ Суда Божия в уме и сердце и всегда помните о нем (свт. Феофан Затворник).

Кто, приведя себе на память Страшный Суд Христов, не смутится тотчас же в собственной совести, не будет объят страхом и неведением? Если и сознает он в себе исправление жизни, то, взирая на строгость Суда, на котором и малейшие недосмотры подвергаются исследованию, конечно, придет в ужас от ожидания страшных наказаний, не зная, чем для него закончится Суд. Божественный Суд, следуя неподкупности и правдивому приговору, в зависимости от нашего произволения уделяет каждому, что человек приобрел сам себе (свт. Григорий Нисский).

сподь — «близ, при дверях». Люди не веруют в вечные мучения или веруют, но думают, что все не так страшно будет, как говорится в Евангелии. Почему же? Ведь вся наша земная жизнь есть отдаленная тень истинной и полной жизни в Царстве Божием; как и все муки на земле суть лишь отдаленная тень ужасных мучений грешников в адском пламени. Как говорил святитель Николай (Велимирович): «Жизнь на земле — сколь бы возвышенна она ни была — все же растворена мукою, ибо здесь нет полноты жизни; как и мука на земле — сколь бы велика она ни была — все же растворена жизнью. Но на Страшном Суде отделится жизнь от муки, и жизнь будет жизнью, а мука будет мукою. И та, и другая пребудет вечно, каждая — сама по себе. Какова сия вечность — этого наш человеческий ум вместить не может. Тому, кто одну минуту будет услаждаться созерцанием лица Божия, покажется сие наслаждение тысячелетним. И тому, кто одну минуту будет мучиться с бесами во аде, покажется сие мучение тысячелетним».

Суд этот будет столь простым, что, кажется, нас не спросят ни о нашей вере, ни о том, как мы молились и постились или бо-

Неделя Мясопустная (о Страшном Суде) — предпоследнее воскресенье перед Великим постом, в которое по уставу кончается употребление в пищу мяса. В это воскресенье вспоминается грядущий Страшный суд (Мф. 25:31-46). Это напоминание необходимо для того, чтобы люди согрешающие не предали себя беспечности и нерадению о своем спасении в надежде на неизреченное милосердие Божие. Это напоминание о том, что нас будут судить.

Что значит Страшный суд? Это завершение человеческой истории в таком виде, в каком мы с вами ее сейчас имеем и имели раньше. И нередко, да и очень часто люди пытались как бы заглянуть сквозь время и представить себе, а когда же настанет этот Страшный суд? Многие пытались выдать желаемое за действительное, назначали сроки, времени, говорили, что они знают (когда это будет), но произошло это время, и эти предсказания не сбывались. Потому что не надо заниматься этим непродуктивным умозрением. Ибо Господь прямо сказал в завершении притчи о десяти девах, кстати, в этой же 25 главе Евангелия от Матфея, где и притча о Страшном суде, о том, что люди должны быть бдительны, и Он говорит: потому что не знаете ни дня, ни часа, когда придет Сын Человеческий. Единственное, что мы можем с вами сказать, что завершение этой истории, Второе Пришествие Господне придет не во время духовного расцвета человечества, а очевидно во время его духовного упадка.

О страшном суде Своим говорит сам Иисус Христос: «Наступит время, в которое все находящиеся в гробах услышат глас Сына Божия и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делающие зло в воскресение осуждения» (Ин 5:28-29). Отсюда видно, что пред наступлением последнего суда все умершие, по гласу Сына Божия, оживут, и добрые люди воскреснут для вечной жизни блаженной, а злые люди — для вечного осуждения. Картина Страшного Суда разительно изображена также самим Иисусом Христом в следующем: «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы». Эти слова Евангелия — о тайне Первого и Второго Пришествия Христа. Первое Пришествие Его на землю было в унижении, так что Его нельзя было отличить от других людей. Господь явился столь смиренно, что никто не заметил Его появления. Второе Пришествие будет совершенно иным. Первый раз Господь пришел не судить, но спасти мир. Второй раз Он придет для Последнего Суда.

Страшный Суд представляется многим отвлеченно-далеким, в то время как Го-

Самым светлым, красивым, поучительным и трогательным временем в православном календаре является период Великого поста и Пасхи. Зачем и как следует поститься, как часто следует посещать храм и причащаться в Великий пост, каковы особенности богослужения в этот период?

I. СМЫСЛ ПОСТА

Великий пост это важнейший и самый древний из многодневных постов, это время подготовки к главному православному празднику — Светлому Христову Воскресению.

Большинство людей уже не сомневаются в благотворном влиянии поста на душу и тело человека. Пост (правда, как диету) рекомендуют даже светские врачи, отмечая благотворное воздействие на организм временного отказа от животных белков и жиров. Однако смысл поста совсем не в том, чтобы похудеть или телесно подлечиться. Святитель Феофан Затворник называет пост «курсом спасительного врачевания душ, баней для омытия всего ветхого, невзрачного, грязноватого».

Но очистится ли наша душа, если мы не съедим, скажем, мясную котлету или салат со сметаной в среду или пятницу? Или, может быть, мы сразу попадем в Царство Небесное только за то, что вообще не едим скоромного? Едва ли. Слишком уж просто и легко далось бы тогда то, ради чего Спаситель принял страшную смерть на Голгофе. Нет, пост — это прежде всего духовное упражнение, это возможность сораспяться со Христом и в этом смысле — наша малая жертва Богу.

Важно расслышать в посте призыв, требующий нашего ответа и усилия. Ради своего ребенка, близких нам людей мы смогли бы голодать, если бы стоял выбор, кому отдать последний кусок. И ради этой любви готовы на любые жертвы. Пост — такое же доказательство нашей веры и любви к Богу, заповеданной Им Самим. Так любим ли мы, истинные христиане, Бога? Помним ли, что Он во главе нашей жизни, или, осуетясь, это забываем?

А если не забываем, то в чем же заключается эта малая жертва Спасителю нашему — пост? Жертва Богу — дух сокрушенный (Пс. 50, 19). Суть поста не в том, чтобы отказаться от некоторых видов пищи или развлечений, и даже от насущных дел, а в том, чтобы отказаться от того, что всецело поглощает нас и удаляет от Бога. В этом смысле и говорит преподобный Исаия Отшельник: «Душевный пост состоит в отвержении попечений». Пост — это время служения Богу молитвой и покаянием.

Пост утончает душу для покаяния. Когда усмиряются страсти — просветляется духовный разум. Человек начинает лучше видеть свои недостатки, у него появляется жажда очистить свою совесть и покаяться пред Богом. По словам святителя Василия Великого, пост делается как бы крыльями, возносящими молитву к Богу. Святитель Иоанн Златоуст пишет, что «молитвы совершаются со вниманием особенно во время поста, потому что тогда душа бывает легче, ничем не отягощается и не подавляется гибельным бременем удовольствий». Для такой покаянной молитвы пост — самое благодатное время.

«Воздерживаясь от страстей во время поста, насколько у нас хватает сил, мы будем иметь полезный телесный пост, — поучает преподобный Иоанн Кассиан. — Утруждение плоти, соединенное с сокрушением духа, составит приятную жертву Богу и достойную обитель святости». И действительно, «можно ли назвать постом только соблюдение одних правил о невкушении скоромного в постные дни? — ставит риторический вопрос святитель Игнатий (Брянчанинов), — будет ли пост постом, если, кроме некоторого изменения в составе пищи, мы не будем думать ни о покаянии, ни о воздержании, ни об очищении сердца через усиленную молитву?»

Сам Господь наш Иисус Христос для примера нам сорок дней постился в пустыне, откуда возвратился в силе духа (Лк. 4, 14), одолев все искушения врага. «Пост есть оружие, уготованное Богом, — пишет преподобный Исаак Сириин. — Если постился Сам Законоположник, то как же не поститься кому-либо из обязанных соблюдать закон?.. До поста род человеческий не знал победы и диавол никогда не испытывал поражений... Господь наш был вождем и первенцем этой победы... И как скоро диавол видит это оружие на ком-нибудь из людей, этот противник и мучитель тотчас приходит в страх, помышляя и вспоминая о поражении своем в пустыне Спасителем, и силы его сокрушаются».

Пост установлен для всех: и монахов, и мирян. Он не является повинностью или наказанием. Его следует понимать как спасительное средство, своего рода лечение и лекарство для каждой человеческой души. «Пост не отталкивает от себя ни женщины, ни стариков, ни юношей, ни даже малых детей, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — но всем открывает двери, всех принимает, чтобы всех спасти».

«Видишь ли, что делает пост, — пишет святитель Афанасий Великий: — болезни врачует, бесов прогоняет, лукавые помыслы удаляет и сердце делает чистым».

«Питаюсь пространно, делаешься плотским человеком, духа не имеющим, или плотию бездушною; а постясь, привлекаешь к себе Духа Святого и делаешься духовным», — пишет святой праведный Иоанн Кронштадтский. Святитель Игнатий (Брянчанинов) отмечает, что «укрощенное постом тело доставляет человеческому духу свободу, силу, трезвенность, чистоту, тонкость».

Но при неправильном отношении к посту, без понимания его истинного смысла, он может, наоборот, сделаться вредным. В

даются плотской нечистоте, — пишет святой праведный Иоанн Кронштадтский. — О, лицемерие, лицемерие! О, непонимание духа Христова, духа веры христианской! Не внутренней ли чистоты, не кротости ли и смирения требует от нас прежде всего Господь Бог наш?» Подвиг поста ни во что сменяется Господом, если мы, как выражается святитель Василий Великий, «не вкушаем мяса, но поедаем брата своего», то есть не соблюдаем Господних заповедей о любви, милосердии, самоотверженном служении ближним, словом, всего того, что спросится с нас в день Страшного суда (Мф. 25, 31-46).

«Кто ограничивает пост одним воздержанием от пищи, тот весьма бесчестит его, — наставляет святитель Иоанн Златоуст. — Не одни уста должны поститься, — нет, пусть постятся и око, и слух, и руки, и все наше тело... Пост есть удаление от зла, обуздание языка, отложение гнева, укрощение похотей, прекращение клеветы, лжи и клятвоступления... Ты постишься? Напитай голодных, напои жаждущих, посети больных, не забудь заключенных в темнице,

было лукавства; а то так можно и весь пост провести: под предлогом любви к ближнему ходить по друзьям или принимать их у себя и есть непостно».

Другая крайность — чрезмерный пост, который дерзает брать на себя неподготовленные к такому подвигу христиане. Говоря об этом, святитель Тихон, патриарх Московский и всея Руси, пишет: «Нерассудительные люди ревнуют посту и трудам святых с неправильным разумением и намерением и думают, что они проходят добродетель. Диавол же, стерегущий их как свою добычу, ввергает в них семя радостного мнения о себе, от которого зарождается и воспитывается внутренний фарисей и предает таковых совершенной гордыне».

Опасность подобного поста, согласно преподобному авве Дорофею, состоит в следующем: «Кто постится по тщеславию или считая, что он совершает добродетель, тот постится неразумно и потому начинает после укорять брата своего, считая себя кем-то значительным. А кто разумно постится, тот не думает, что он разумно совершает доброе дело, и не хочет, чтобы его хвалили, как постника». Сам Спаситель велел совершать добродетели втайне и скрывать пост от окружающих (Мф. 6, 16-18).

От чрезмерного поста могут также появиться раздражительность, озлобленность вместо чувства любви, что также свидетельствует о неправильности его прохождения. У каждого своя мера поста: у монахов одна, у мирян может быть другая. У беременных и кормящих женщин, у престарелых и больных, а также у детей, с благословения духовника, пост может быть значительно ослаблен. «К самоубийцам должно причислить того, кто не изменяет строгих правил воздержания и тогда, когда нужно подкрепить ослабевшие силы принятием пищи», — говорит преподобный Иоанн Кассиан Римлянин.

«Закон постничества такой, — поучает святитель Феофан Затворник, — в Боге умом и сердцем пребывать с отрешением от всего, всякое угодие себе отсекая, не в телесном только, но и в духовном, творя все во славу Божию и благо ближних, неся охотно и с любовью труды и лишения постнические, в пище, сне, отдыхе, в утешениях взаимобождения, — все в мере скромной, чтоб это в глаза не бросалось и не лишало сил исполнять молитвенные правила».

Итак, постясь телесно, постимся и духовно. Соединим пост внешний с постом внутренним, руководствуясь смиренномудрием. Очищая тело воздержанием, очистим и душу покаянной молитвой для обретения добродетелей и любви к ближним. Вот это и будет истинный пост, приятный Богу, а значит, и для нас спасительный.

II. О ПИТАНИИ В ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Первая неделя (седмица) Великого поста и последняя — Страстная седмица — наиболее строгое время. Например, в первые два дня первой великопостной седмицы Церковным уставом предписывается полное воздержание от пищи. В Страстную седмицу предписывается сухоядие (пища не варится и не жарится), а в пятницу и субботу — полное воздержание от пищи.

Невозможно установить единый пост для монахов, духовенства и мирян с разными исключениями для пожилых, больных, детей и т.п. Поэтом в Православной Церкви в правилах поста указаны лишь наиболее строгие нормы, к соблюдению которых должны по возможности стремиться все верующие. Формального разделения в правилах для монахов, духовенства и мирян не существует. Но к посту нужно подходить разумно. Нельзя браться за то, что нам не по силам. Неопытные в посте должны приступать к нему постепенно и благоразумно. Миряне часто облегчают себе пост (это следует делать по благословению священника). Больные и дети могут поститься легким постом, например, только в первую неделю поста и в Страстную седмицу.

В молитвах говорится: «поститесь постом приятным». Это значит, что нужно придерживаться такого поста, который будет духовно приятен. Нужно соизмерять свои силы и не поститься излишне усердно или, наоборот, совсем нестрого. В первом случае исполнение правил, которые нам не по силам, может принести вред и телу, и душе, во втором случае мы не достигнем нужного телесного и духовного напряжения. Каждому из нас следует определить свои телесные и духовные возможности и возложить на себя посильное телесное воздержание, обращая главное внимание на очищение своей души.

Продолжение в следующем номере.

О ВЕЛИКОМ ПОСТЕ

результате неразумного прохождения постных дней (особенно многодневных) часто появляются раздражительность, озлобленность, нетерпеливость или же тщеславие, самомнение, гордость. А ведь смысл поста заключается именно в искоренении этих греховных качеств.

«Один телесный пост не может быть достаточным к совершенству сердца и чистоте тела, если не будет соединен с ним и пост душевный, — говорит преподобный Иоанн Кассиан. — Ибо и душа имеет свою вредную пищу. Отяжеленная ею, душа и без избытка телесной пищи впадает в сладострастие. Злословие есть вредная пища для души, и притом приятная. Гнев есть также пища ее, хотя вовсе не легкая, ибо часто питает ее неприятной и отравляющей пищей. Тщеславие — пища ее, которая на время услаждает душу, потом опустошает, лишает всякой добродетели, оставляет бесплодной, так что не только губит заслуги, но еще и навлекает большое наказание».

Цель поста — искоренение пагубных проявлений души и стяжание добродетелей, чему способствуют молитва и частое посещение богослужений в храме (по преподобному Исааку Сириину — «бодрствование в службе Божией»). Святитель Игнатий по этому поводу также отмечает: «Как на ниве, тщательно обработанной земледельческими орудиями, но не засеянной полезными семенами, с особенной силой вырастают плевелы, так в сердце постящегося, если он, удовлетворяясь одним телесным подвигом, не оградит ум подвигом духовным, то есть молитвою, густо и сильно вырастают плевелы самомнения и высокоумдия».

«Многие христиане... считают грехом съесть, даже по немощи телесной, в постный день что-либо скоромное и без зазрения совести презирают и осуждают ближнего, например знакомых, обижают или обманывают, обвешивают, обмеривают, пре-

пожалей измученных, утешь скорбящих и плачущих; будь милосерден, кроток, добрый, долготерпелив, сострадатель, незлопамятен, благоговен и степен, благочестив, чтобы Бог принял и пост твой, и в изобилии даровал плоды покаяния».

Смысл поста — в совершенствовании любви к Богу и ближним, потому как именно на любви основывается всякая добродетель. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин говорит, что мы «не полагаем надежды на один пост, но, сохраняя его, хотим достигнуть чрез него чистоты сердечной и апостольской любви». Ничто — пост, ничто — подвижничество при отсутствии любви, потому как написано: Бог есть любовь (1 Ин. 4, 8).

О святителе Спиридоне, Тримифунтском чудотворце, рассказывается, что во время Великого поста, который святой держал очень строго, зашел к нему некий путник. Видя, что странник очень устал, святитель Спиридон велел своей дочери принести ему еды. Та отвечала, что в доме нет ни хлеба, ни муки, так как в преддверии строгого поста едой не запаслись. Тогда святитель помолился, попросил прощения и прикасал дочери изжарить оставшегося от мясозапущной седмицы соленого свиного мяса. После его изготовления, святитель Спиридон, посадив с собой странника, принял есть мясо и угощать им своего гостя. Странник стал отказываться, ссылаясь на то, что он христианин. Тогда святитель сказал: «Тем менее надобно отказываться, ибо Слово Божие изрекло: для чистых все что угодно (Тим. 1, 15)».

Кроме того, апостол Павел сказал: если кто из неверных позовет вас и вы захотите пойти, то все предлагаемое вам ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести (1 Кор. 10, 27) — ради того человека, который вас радушно встретил. Но это случаи особенные. Главное, чтобы при этом не

О РОДИТЕЛЬСКИХ СУББОТАХ: даже самая малая молитва много значит

щенные, и самовольно лишившие себя жизни. Но, естественно, на службе их не поминали.

РОДИТЕЛЬСКИЕ СУББОТЫ ВЕЛИКОГО ПОСТА И СУББОТЫ ПОМИНОВАНИЯ ВОИНОВ

Духовная жизнь постом становится активнее, молящихся в храмах — больше. Все мы живем в одном ритме, и внутренний наш духовный компас указывает нам одну цель. Общее делание сближает нас настолько, что к концу первой недели Великого поста мы даже внешне становимся как-то похожи. Как родственники. Уже и в транспорте узнаешь «своих», и на улице. И отношение к другу становится теплее. Три родительские субботы Великого поста, на второй, третьей и четвертой неделе соединяют нас со «своими» из другого мира.

А так как Великим постом в седмичные, то есть на неделе, не совершается обычного поминовения, то постовые родительские субботы имеют целью восполнить этот недостаток, чтобы умершие не лишились представительства Церкви.

Говоря о родительских субботах, нельзя не упомянуть о субботах, посвященных воинам. Еще в ветхозаветные времена было принято совершать поминовение воинов, «за веру и Отечество во брани убиенных». В нашей Церкви тоже есть такая традиция. Поминовение православных воинов, «за веру и Отечество во брани убиенных», совершается: в день Усекновения главы святого пророка с Предтечи (11 сентября по новому стилю) и в Димитровскую родительскую субботу, ближайшую перед 8 ноября (днем памяти святого Димитрия Солунского).

Начало Димитровской родительской субботы положила торжественная панихида по павшим на Куликовом поле воинам, отслуженная в обители Живоначальной Троицы преподобного Сергия в 1380 году. Тогда же князь Дмитрий Иоаннович Донской, прославленный позже в лике святых Православной Церкви, предложил творить поминовение убитых воинов каждую Димитровскую субботу.

**Протоиерей
Сергей Николаев**

Свой день православный человек начинает с молитвы. С утреннего молитвенного правила. Некоторая часть этого правила посвящена молитвам за близких: родственников, друзей, знакомых, «начальников, наставников, благодетелей». Следуя заповеди о любви к ближнему, мы молимся за них, за живых и за умерших. Молитва — это и есть первейшее выражение и дело любви. Надеюсь приклонить милосердие Божие к тем, кто дорог нам, мы проносим одно за другим их имена. И чем богаче любовью сердце, тем длиннее бывает и список этих имен.

С ЛЮБЯЩИМИ ГОСПОДЬ

«Для того поминаем на молитве живых или усопших, что Господу так же удобно и можно помиловать известные лица, как нам удобно выговаривать их имена, — рассуждает праведный Иоанн Кронштадтский. - Как нам не выговаривать в молитве по любви христианской имен праотцев, отец и братии наших, сродников, друзей и знакомых?» Конечно, Господь знает о человеке все. Все хорошее и все плохое. Но не по хорошему или плохому судит и милует Он его. А по любви. И по нашей любви также.

Не раз приходилось слышать, что если не поспешишь утром вспомнить на молитве всех, кто как-то с тобой связан (и живых, и ушедших), то целый день все как-то особенно удастся. И как-то легко он проходит. А когда пожелеешь времени на это, то дневные твои дела словно через великие препятствия делаются. А как же! С любящими Господь.

Особенно нужны наши молитвы умершим. Ведь окончившие свой земной путь, сами они уже не могут ни прибавить благих дел, ни покаяться в грехах, ни упрощить Господа. Зато мы можем просить для них милости, просить упокоить их, как не мертвые восхвалят Тя, Господи, ниже сущие во аде исповедание дерзнут принести Тебе: но мы живые благословим Тя и молим и жертвы приносим Тебе о душах их».

ПОЧЕМУ СУББОТЫ РОДИТЕЛЬСКИЕ?

В каждый субботний день, преимущественно перед другими

днями, совершается в Православной Церкви поминовение умерших в православной вере. В этом отличие субботней службы. При том некоторые из суббот имеют особый статус. Их называют родительскими субботах. Родительскими потому, что первая наша обязанность помнить тех, кто дал нам жизнь — наших родителей и других предков. Поминать усопших родных, друзей, знакомых. В эти особые субботы мы молимся за всех, кто умер в надежде воскресения и жизни вечной.

Надо заметить, что в родительские субботы в храмах бывает как никогда многолюдно. И еще, на службе в такой день особенно ясно понимаешь ту истину, что Бог не есть Бог мертвых, но живых (Мф.22,32), что разделение на живых и мертвых лишь временно и условно. В особенности отрадно в эти дни бывает тем, кто с трудом переживает разлуку. Молитвами о упокоении «стеночка» между нашими мирами истончается, и мы становимся ближе.

Две родительские субботы называют Вселенскими, так как в эти дни поминают всех умерших православных христиан. Это предпоследняя перед Великим постом суббота, которая называется мясопустной родительской субботой, так как она бывает накануне мясопустной недели. И Троицкая родительская суббота накануне праздника Пресвятой Троицы.

Мясопустная Вселенская родительская суббота бывает накануне воскресного дня, посвященного воспоминанию о Страшном Суде, и естественно, что Церковь как бы в день предшествующий

Суду умоляет праведного Судию о всех «от Адама до днесь усопших в благочестии и правой вере — праотцев, отец и братии наших, от всякого рода царей, князей, монашествующих, мирян, юношей и старцев», а так же о всех утонувших, погибших в бою, от землетрясения, от рук убийцы, от молнии, засыпанных землей, растерзанных зверями и другой смертью «внезапно умерших и оставшихся без узаконенного погребения».

К тому же, приближаясь к подвигу поста, верующие стараются примириться со всеми: с близкими и дальними, с живыми и умершими. Прощению обид и примирению с живыми будет посвящена следующая за мясопустной неделя, которую завершит прощенное воскресенье. В родительскую же субботу мы особо молимся о тех, для кого уже закончилась земная жизнь, отдавая тем священный долг любви.

Собственно назначение родительских суббот — объединение Церкви. Родительские субботы дают нам возможность ощутить реальность объединения всех ее

членов — и ее святых, и живущих ныне, и умерших. День же Пресвятой Троицы, в который Святой Дух в виде огненных языков сошел на апостолов, называют днем рождения Церкви. Поэтому так понятно установление родительской субботы накануне этого дня.

Необходимо упомянуть об одном часто встречающемся заблуждении относительно Троицкой родительской субботы. Мне не раз случалось слышать, причем говорившие обычно были в том совершенно уверены, что Троицкая суббота — тот единственный день, когда в церкви можно подавать записки о упокоении самовольно лишивших себя жизни, а также о умерших некрещеными. Повторю еще раз: Церковь не молится о некрещеных и самоубийцах. Хотя вышеуказанное заблуждение — весьма устойчивое. Свое начало оно берет от бывшего некогда в нашем Отечестве обычая отпевать и хоронить перед Троицкой субботой всех неизвестных от неизвестной смерти умерших, а также казненных. Теоретически, среди таких покойников могли быть и некре-

Общаясь с православными людьми, иногда обнаруживаешь странную вещь. Эта странность есть отсутствие интереса к личности Господа Иисуса Христа.

В чем это проявляется? Например, беседа с человеком о церковных новостях, о политике, о каких-то общих знакомых — разговор клеится. Но стоит коснуться Христа и Его учения, как вдруг возникает какой-то непонятный вакуум, который, оказывается, нам нечем заполнить. Более того, многие даже стесняются развивать подобную тему, им неудобно становится, как будто бы речь зашла о чем-то неприличном. И я думаю в такие моменты: какова была бы реакция апостолов, если бы им рассказали, что некогда появятся христиане, стыдящиеся говорить о Христе друг с другом? Христиане, не имеющие мыслей о Господе и при этом рассуждающие часами о футболе и политике?

А бывает, верующий человек прочитал много разных книг и статей, но Евангелие — ни разу. Или, например, дома у христианина целая галерея икон — и святой Николай, и блаженная Матрона, и преподобный Сергей, — а лик Христа оказывается где-то в дальнем углу, причем по размерам икона Спасителя самая маленькая. Или кто-то говорит: такой-то старец велел поступать так и так. Спрашиваешь: а Христос что приказал делать в подобной ситуации? Молчание.

КТО ГЛАВНЫЙ?

Кажется, мы иногда просто забываем о том, кто в христианстве Главный...

Дети в школе смотрят на учителя и берут с него пример. В спортивной секции взирают на тренера как на образец и подражают ему. Музыканты часами слушают игру мастера, пытаются скопировать его игру. Подобным образом христиане имеют священную задачу молитвенно созерцать Христа и учиться следовать за Ним, исполняя Его заповеди. Христос — это Тот, на Которого мы смотрим, Кого слушаем. Только Он есть в точном смысле Учитель и Наставник. Святые отцы, духовники, приходские священники лишь комментируют и объясняют нам заповеди Христовы, раскрывают Его волю о нас, ведут нас к Нему. Но даже самый благодатный духовник не сможет заставить нас любить Христа, если мы сами не ищем любви к Нему.

Если кто-то очень любит, скажем, гонки — он будет собирать информацию о данном виде спорта, читать об этом, думать, говорить с друзьями. Если кто-то решил посвятить свою жизнь, к примеру, джазу — он будет знать все о джазе. Христианину же должен быть чрезвычайно интересен Христос, горячо интересен. Ученик Иисуса есть тот, кто постоянно о Нем читает, разговаривает, думает, молится Христу и проповедует

Его святые слова. Христос есть главная любовь христианской жизни и ее смысл, и если эта любовь не жжет сердце, то оно болно равнодушием и маловерием.

Может ли состояться духовная жизнь, если она не будет выстроена христороцентрично? Наша православная литература, предлагая разные рекомендации о духовной жизни, советует, между прочим, читать Евангелие, обращая внимание на нрав Господа нашего Иисуса Христа. Размышляя о Богочеловеке, необходимо выводить разницу между своим призванием и тем, кто я есть в действительности. Богочеловек — это зеркало, в которое должен ежедневно смотреть христианин. В образ совершенного Человека необходимо вглядываться для того, чтобы обозначить вектор своего развития, чтобы обнаружить свои болезни и понимать, что лечить. Если мы не будем знать, кем должны быть, то не поймем, в чем каяться.

На теме покаяния стоит немного остановиться. Отцы говорят нам, что покаяние есть начало и конец духовной жизни. Покаяние в святоотеческом понимании — это открытие для себя трагедии, заключающейся в ужасном разрыве между тем, кем мы должны быть и кем по факту являемся. Какие мы есть, нам известно прекрасно. Но как узнать, что ме-

нять в себе и к чему стремиться? Церковь отвечает: посмотрите на Иисуса Христа. Он новый Адам, родоначальник обновленного человечества, идеал человека. Он Тот, в Кого мы должны вырасти, по причастию к Его благодати.

Покаяние есть понятие положительное, а не отрицательное. Оно зиждется на любви к Богу, а не на поиске своих грехов. В центре христианской жизни стоит Христос, а не я со своими прегрешениями. В таинстве покаяния мы движемся прежде к Богу, а потом уже внутрь себя. Покаяние имеет целью не только очищение, но и наполнение — Христом и Его благодатью. Если в покаянии человеку не интересен Христос и Его Евангелие, то это не покаяние, а духовная болезнь. Будет нечто подобное, если мы явимся к доктору только для того, чтобы доложить о своих болячках, и уйдем без лечения. Грех — это преграда на пути ко Христу, которую необходимо убрать именно для того, чтобы приблизиться к Господу, — иначе покаяние выродится в самодеяние и комплекс неполноценности.

В центре церковного собрания стоит Христос, и сознание православного человека характеризуется прежде всего христороцентричностью. Тезис банален и тавтологичен — христианство вроде и есть религия Христа, — но мы порой ухитряемся забывать о том, что знают даже неверующие. Значит, нужно напоминанием возбуждать наш чистый смысл (См. 2 Пет. 3, 1)

и не допускать уклона вправо или влево, иначе мы потеряем из вида цель нашей жизни — Иисуса. Познание славы Божией возможно только в лице Иисуса Христа (См. 2 Кор. 4, 6). В лице, о котором святитель Феофан Затворник пишет: «Какие совершенства Божии не отражаются в сем лике?! Тут и благодать беспредельная и правда бесконечная, тут и премудрость недомыслимая и всемогущество неизмеримое, тут и промысление всепопечительное и вседержительство всеобъемлющее».

Христос оставил нам пример, дабы мы шли по следам Его (1 Пет. 2, 21), учит первоверховный Петр. Будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса (Евр. 12, 1-2), — призывает апостол Павел. Кто говорит, что пребывает в Нем, тот должен поступать так, как Он поступал (1 Ин. 2, 6), — пишет Иоанн Богослов. Лик Господа нашего Иисуса Христа пусть будет в центре нашей жизни. Он не только наш Искупитель и Спаситель, но и пример для нравственного подражания; идеал человека, в котором сходятся и исполняются все человеческие добродетели; камертон, по которому следует настраивать свою жизнь. От главного произрастают и все частности, а главное в христианстве — Христос и Царство Его. Дай Бог нам не забывать об этом, и научиться любить Христа — все же остальное приложится, как Он Сам обещал нам.

Сергей Комаров

ХРОНИКА СЛУЖЕНИЙ ПРАВЯЩЕГО АРХИЕРЕЯ

С 27 января по 1 февраля Преосвященный архиепископ Абаканский и Хакасский Ионафан совершил следующие богослужения:

27 января, в день отдания праздника Крещения Господня и в день памяти равноапостольной Нины, просветительницы Грузии, — Божественную Литургию в Спасо-Преображенском кафедральном соборе в Абакане.

Владыке сослужили протоиереи Александр Горбатов, Иоанн Комаров, священники Павел Кузьмин, Сергей Максименко и Владимир Старшов.

Проповедь по запричастном стихе произнес отец Александр.

По заамвонной молитве архиереев, выйдя с сослужащими на середину храма, совершил трократное каждение, при пении тропаря, кондака и величания праздника осенил икону предстоящих и внес икону алтарь, совершив таким образом чин отдания праздника.

По многолетию архипастырь

обратился к собравшимся с словом, рассказав о месте догмата о Боговоплощении в жизни Церкви.

В тот же день, накануне Недели о мытаре и фарисее, в сослужении соборного духовенства — Всенощное бдение с литией и освящением хлебов в Спасо-Преображенском кафедральном соборе.

На полиелее, по прочтении Евангелия, соборный хор впервые в этом году исполнил песнопение «Покаяние отверзи ми двери, Жизнодавче», которое будет часто слышаться в храме в течение подготовительных к Посту седмиц и самой Святой Четыредесятницы. Затем архипастырь помазывал молящихся освященным еле-

ем. Число подошедших к елеопомазанию составило 135 человек.

По окончании первого часа Владыка рассказал молящимся об особенностях Богослужебного Устава предстоящих седмиц.

28 января, в Неделю о мытаре и фарисее, — Божественную Литургию в Спасо-Преображенском кафедральном соборе столицы Хакасии.

Архиерею сослужили протоиереи Виталий Филипчук и Иоанн Комаров, священники Павел Кузьмин и Владимир Старшов. Диаконский чин составили протоиерей Андрей Ермаков, диакон Сергей Антонов, Евгений Мотыкин и Николай Пугин. За Литургией пело два хора — архиерейский под управлением Марии Ермаковой и левый с участием воспитанников Православной гимназии под управлением священника Евгения Дрючина.

Проповедь после пения причастна произнес отец Виталий.

В завершение Богослужения архипастырь проповедовал на тему притчи Спасителя о мытаре и фарисее.

1 февраля, в девятую годовщину интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя в Москве была совершена Божественная Литургия.

Святейшему Патриарху сослужили члены Священного Синода, представители Поместных Православных Церквей и сонм иерархов Русской Православной Церкви, в числе которых находился архиепископ Абаканский и Хакасский Ионафан.

В сугубую ектению были включены особые прошения о ныне чествуемом Святейшем Патриархе Московском и всея Руси Кирилле. После сугубой ектении митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий вознес молитву о Предстоятеле Русской Церкви. Затем Святейший Патриарх Кирилл совершил молитву о мире на Украине.

По окончании Литургии Блаженнейший митрополит Онуфрий огласил поздравительный адрес Святейшему Патриарху от имени членов Священного Синода Русской Православной Церкви, после чего преподнес Его Святейшеству икону святых Царственных страстотерпцев и букет цветов.

«БУДЬ МИРОТВОРЦЕМ СВОЕГО СЕРДЦА...»

В день памяти преподобных Варсонофия Великого и Иоанна Пророка

Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн Пророк жили в далеком VI веке. Святой Иоанн так писал о теснейшем духовном единении с преподобным Варсонофием: «Старец в Боге и я с ним... мы двое составляем единое целое». Отшельническая жизнь этих подвижников, строгий аскетизм, затворничество, кажется, еще более отдаляют их от нас. Однако духовный опыт святых, изложенный в замечательной книге «Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников», представляет собой собрание фундаментальных принципов духовной жизни, без которых современному человеку очень сложно разобратся как в том, что происходит в его душе, так и в том, что нужно для окружающих.

Наставления святых изложены в русле практических советов. Главный их смысл — раскрыть сущность христианской добродетели, как поступать человеку в той или иной ситуации, если его одолевают сомнения. Это очень важно, потому что сомнения и неопределенности сопровождают христианина почти всю жизнь. А смысл добродетели, наоборот, стяжание душевного мира. Об этом фундаментальном принципе духовной жизни, как нужно отвечать на вызовы времени, чего искать, добиваться, к чему стремиться, святые говорят с предельной ясностью: «Будь миротворцем своего сердца, чтобы наречься сыном Божиим».

Обратимся к конкретным советам старцев.

Очень часто перед христианином встает вопрос о милостыне: кому подавать, как поступать в тех или иных ситуациях? Вопрос, как видим из «Руководства к духовной жизни», не новый. Вот как он звучит в книге: «Вопрос 632. Когда я хочу подать, а помысл наводит мне сомнение, чтобы не давать, то как поступить в сем случае?» На это вопрошавший получил такой ответ: «Испытай свой помысл, и если найдешь, что он делает так по скупости, то дай и еще несколько более того, что бы должно дать, например одну медную монету, и это вменится тебе

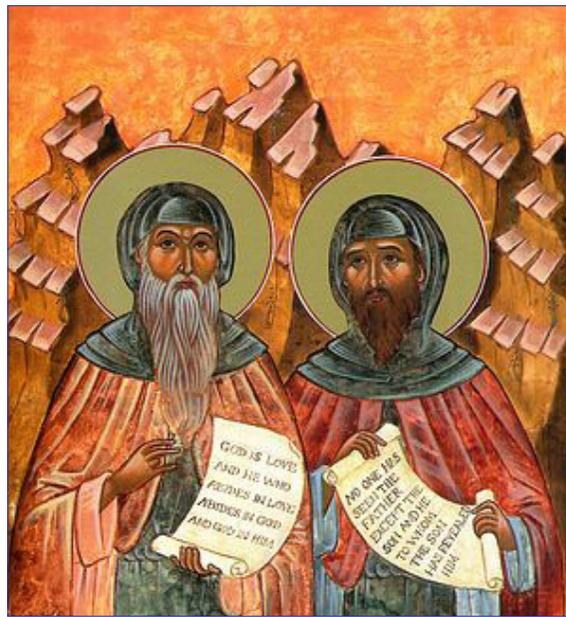
в милостыню». Возможно, тут нет абсолютно четкого ответа, как поступать, но механизм принятия решения в каждом конкретном случае вполне понятен. Старец, прежде всего, обращает внимание на человека, который желает сделать добродетель, на его сердце — вот что является главным критерием. Из этого следует, что добродетель не направлена на исправление окружающих, на их воспитание, она обращается в орбите человеческого сердца, и именно от того, насколько правильной будет ее траектория здесь, зависит «успех» дела. Поэтому если сомнения, после испытания сердца, окажутся оправданными, то старец не советует ими пренебрегать.

Другой вопрос, подобный предыдущему: «Вопрос 642. Случается, что бывают у меня две вещи: одна получше, а другая похуже, например вино или хлеб, и помысл говорит мне, чтобы лучшую дать нищим; но я недоумеваю, так ли сделать, то есть дать ли им лучшее, а себе оставить худшее». Кому-то ответ может показаться очевидным: конечно же, отдать лучше, потому что так правильно. Но старец ответил в несколько ином контексте: «О нищих (скажу тебе): если мы не достигли того, чтобы считать (всех) их равными и любить ближнего, как самих себя, то, зная свою немощь, сделай, что можешь, и дай им то, что менее ценно». Как видим, смысл ответа опять же обращается в плоскости главной цели добродетели — стяжание мира через смирение. При этом смирение начинается с предельной честности перед собой, честности о тех немощах и душевных изъянах, которые есть у человека в душе. Их нужно врачевать с особым тактом, постепенно, решительно, но терпеливо относиться даже к самому себе, к своим немощам.

Однако при этом нельзя себя оправдывать. Часто подсознательно человек находит оправдание в той мысли, что в одном он не может следовать Евангелию, скажем, не может не гневаться, но зато подает милостыню, делает много добрых дел. Действительно, человек не может одинаково преуспевать во всех добродетелях. Здесь есть

момент индивидуальных особенностей, призвания, талантов человека. Однако здесь тоже должна быть честность, а значит, покаяние. Нельзя преуспеянием в одной добродетели оправдывать отсутствие усилий в стяжании другой. Вот как эта мысль отражена в вопросах к старцам: «Вопрос 634. Так как каждое блаженство объемлет одну духовную добродетель, то достаточно ли, отец мой, одной сей добродетели для спасения того, кто имеет? Ответ. Как тело одно, а членов много, и если недостает одного члена, то и тело не есть совершенное, так заключай и о внутреннем человеке, члены которого суть многие добродетели. Если недостает одной из них, то человек не бывает совершенным. И как ремесленник, который хорошо знает свое ремесло и по быстроте ума своего занимается и другими ремеслами, не называется мастером их, но только мастером своего ремесла, так и здесь: имеющий все добродетели по той познается, и от той получает наименования, чрез которую наиболее сияет в нем благодать Духа».

Как относиться к церковным послушаниям, обязанностям по отношению добровольно принятых на себя добродетелей? Ведь бывает, что человек с течением времени не может исполнять однажды «сгоряча» принятые на себя обязанности творить определенные добрые дела. В другом случае, человек, видя, что не сможет полностью исполнить дело, сразу же отказывается от него. Оправдана ли такая «честность»? Вот как данный вопрос отображен у преподобных Варсонофия и Иоанна: «Вопрос 635. Другой христоролюбивый муж дал одному человеку, которого он считал верным, милостыню, чтобы раздать ее нищим, и сказал ему: «Прими это, и дашь за сие ответ Богу». Но тот не понял, что давший возложил на него сим большую тяжесть, и думал, что хотя бы он и не сказал ему сего, но с тех пор,

как он совершенно принял на себя (раздачу милостыни), уже (и без того) должен дать за нее ответ Богу. Когда же спросил о сем того же старца (Иоанна), он отвечал: «Обманулся тот, кто принял это на себя, потому что он дерзко представил себя в состоянии дать ответ Богу за всякое дело, забыв сказанное: кто похвалится чисто имети сердце? или кто дерзнет рещи чиста себе быти от грехов? (Притч. 20: 9). Это дело совершенных отцов. Он должен бы был сказать давшему: «Я не в силах принять сего с тем (условием), чтобы дать Богу ответ, потому что я человек грешный; но постараюсь сделать в сем деле все, что могу, по силе моей. Божие же дело — подать помощь, чтобы оно совершилось по воле Его». Если бы он так сказал, это вменилось бы ему в смирение, и Бог не осудил бы его за то, что выше силы его. Когда же он самонадеянно взял на себя — дать Богу ответ, то со всею строгостью взыщет с него Бог ответа за слова сии. Но и тому, кто давал, не следовало требовать от брата такого условия, потому что, предполагая его верным, он по неразумию своему счел его за неверного; но следовало, доверив ему однажды, предоставить сие дело Богу и не сомневаться в человеке, ибо сомневающийся не может верить».

Также бывают случаи, когда люди, которых мы попросили помочь нам в определенных добрых делах, проявляют недобросовестность. Как поступать в таких случаях? Вот что один из старцев ответил на вопрос, как поступать, если человек узнал, что ближний утаил деньги, которые он вверил ему для раздачи милостыни (вопрос 639): «Если достоверно узнаешь, что он утаил нечто, то рассмотри, может ли помысл его перенести обличение, и тогда уже скажи ему о том с кротостью, вразумляя его по Богу, и возьми от него, что ты ему вверил. Если же он не может принять обличения, то не повреждай его совести, чтобы он, от стыда, не сделал чего-либо еще хуже. Но оставь его, пусть владеет тем, что он взял; ибо он взял принадлежащее Богу, и Бог Сам лучше ведает, по нужде ли он взял, и знает, как судить о его поступке».

А как относиться к тем, кто однажды нас подвел, находим ответ в следующем вопросе: «Вопрос 640. Следует ли вперед вверять что-либо таковому? Ответ. Когда ты узнаешь, что он и в другой раз то же сделал и старается портить дело, то не вверяй ему вперед ничего. Если же, будучи всегда добрым, он увлекся теперь, по внушению диавольскому, или взял потому, что имел в том нужду, то можно опять вверить ему, ибо он, конечно, исправится. Только не соблазни его».

Как видим, главным критерием в любой добродетели для святых Варсонофия и Иоанна было стяжание душевного мира через смирение. В духовной жизни нет универсальных алгоритмов, как поступать в той или иной ситуации, здесь все индивидуально. Однако есть фундаментальные принципы, отображенные в Божественном Откровении, которые являются маяками, ограждающими христианина от опасности сесть на духовную мель. Их следует знать и с ними сверять совесть в конкретных ситуациях.

Роман Савчук

«УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК, СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ, БЛАГОДАТНЫЙ»

Памяти архимандрита Иоанна (Крестьянкин)

Двенадцать лет назад, 5 февраля 2006 года, в Псково-Печерском монастыре отошел ко Господу один из великих старцев XX века — архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Воспоминаниями об отце Иоанне делятся его духовные чада.

«ЭТО БЫЛО СЛОЖНОЕ И ОТРАДНОЕ ВРЕМЯ: ЖИТЬ СЛОВОМ И БЛАГОСЛОВЕНИЕМ СТАРЦА»

Протоиерей Сергей Ткаченко, настоятель храма Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкине:

— В советскую эпоху мы переживали точно первохристианские времена: человека испытывали прежде, чем покрестить; его кто-то должен был порекомендовать; сам ты понимал, чем для тебя воцерковление чревато.

Все мы тогда старались, несмотря ни на какие прещения, поработать для Церкви. Собиралась молодежь, и мы ехали потрудиться в тот же Псково-Печерский монастырь.

Там был подлинно монашеский молитвенный дух. Можно было спокойно исповедоваться, причаститься, послушать эти замечательные длинные проповеди. У многих из нас же тогда даже Евангелия не было. Мы зачастую сначала на слух по проповедям благуя весть и усваивали. По тем временам, если бы у тебя нашли ксерокопию какой-нибудь душеспасительной книги, тебе могли дать пять, а то и больше, лет лагерей.

Это сейчас много литературы, церковные телеканалы есть, — масса информации. Тогда всего этого не было. Но мы общались со старцами — и нам этого было достаточно.

Вот вы спрашиваете, не сохранилось ли у меня каких-нибудь фотографий паломничества в монастыри тех лет. Никаких селфи мы тогда не делали. И со старцами на память не фотографировались. В те годы появление в монастыре человека с фотокамерой могло сразу навести на подозрения: на кого он работает? Сейчас, мол, сфотографирует, а потом отнесет эти снимки куда надо... Нет, мы ничего не фотографировали, даже старались никому потом ничего не рассказывать: где ты был, с кем общался. Поговорить со старцем, сложишь все его слова глубоко в сердце и хранишь, живя этим словом до следующего к нему приезда.

Мы в то время, впрочем, по сравнению с нынешним вообще купались в обилии тех, кто может тебе сказать, как быть по жизни. Старцы нас сами друг к другу благословляли съездить. Придешь к отцу Науму (Байбородину) в Свято-Троицкую Сергиеву лавру, а он тебе говорит:

— Съезди к отцу Иоанну.

Тогда Церковь, — как-то особо чувствовалось, — едина была. Взаимопомощь была, любовь жертвенная.

Тогда Церковь, — как-то особо чувствовалось, — едина была. Взаимопомощь была, любовь жертвенная. Старшие нам пример показывали, и мы, молодежь, тогда друг за дружку держались.

Сколько мы, молодые по тем временам ребята, ни обращались к отцу Иоанну, он нам никогда не отказывал во встрече. И тогда, когда сам помолоде был, и позже, когда его уже недуги одолевали, — всегда старался принять. Бывало, с ним можно было часами беседовать, он нам разъяснял Евангелие, говорил о молитве, о посте. Иногда же, если не было возможности поговорить, у него достаточно было взять благословение, — и всё сразу разрешалось.

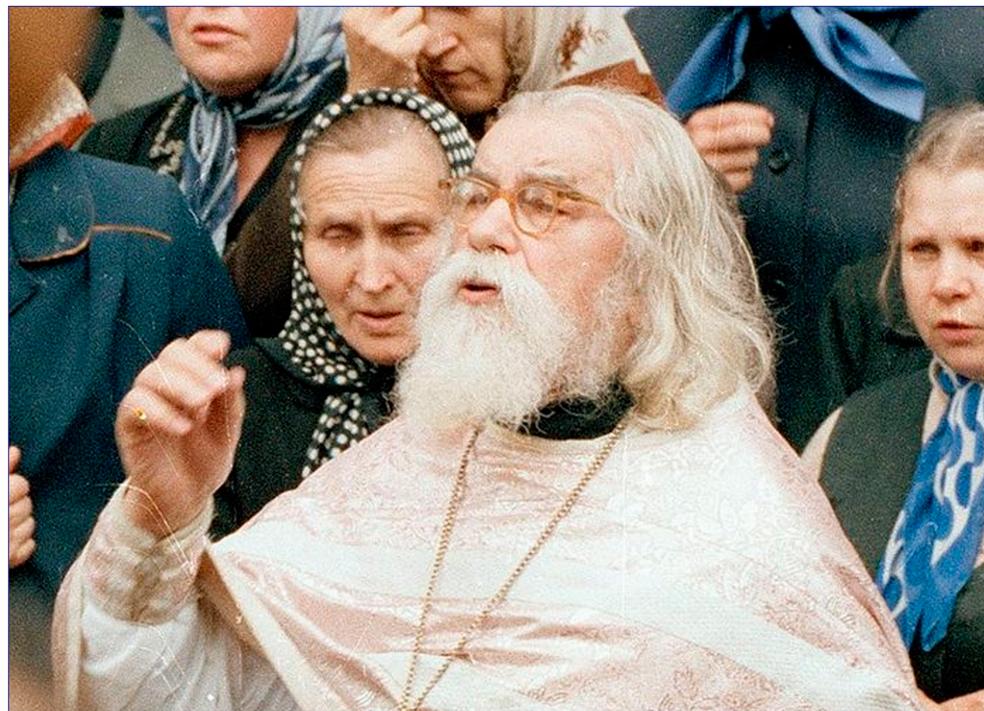
Наставления отец Иоанн давал очень конкретные, например:

— Ты больше правило себе не бери.

Учил умеренности, благоразумию.

Требовал послушания родителям по заповеди: *Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле* (Исх. 20, 12). Мы по молодости лет могли чего-то и наговорить папе, маме: что это, мол, в церковь не ходят? А они, наоборот, негодовали: почему ты посещению богослужений уделяешь больше времени, чем подготовке к занятиям?

Говорить о Боге тем, кто сам не скло-

нен слышать о Нем, — предупреждал, — не надо

Батюшка Иоанн вразумлял не обижать родителей. Да и говорить о Боге тем, кто еще сам не склонен слышать о Нем, — предупреждал, — не надо. Преждевременная проповедь может быть даже вредной: вдруг она спровоцирует изначальный протест, богохульство, так что человек, еще даже ничего не узнав, уже противостанет Церкви.

У меня отец военный, советской закалки. Помню, я как-то поставил у себя на письменном столе портрет святого праведного Иоанна Кронштадтского: в ордене, с лентой через плечо, в шелковой рясе.

— И это что, святой?.. — возмутился, зайдя в мою комнату, отец, имевший, видимо, какие-то свои представления о святости.

И вот я пересказываю отцу Иоанну произошедшее тогда.

— Ни в коем случае не прекословь, — спохватился он. — Не устраивай полемику! Родителей надо почитать. Если отцу что-то не нравится, лучше убери.

Отец Иоанн всегда старался решить все полюбовно.

— Лучше молись о родных, предавай Богу, чья власть, — подчеркивал, — в отличие от нашей, кажущейся, — реальная. Господь так устроил, — напоминал, — родительское благословение созидает дома детей.

Батюшка нас учил, как в жизни обходить всякие тревожные ситуации, молиться.

— Экзамены по жизни, — настраивал, — будут наступать постоянно; в них мы увидим себя, чтобы иметь живое чувство к Богу и живое покаяние.

Мы не знали, какой ценой те, кого мы привыкли называть «старцами», стяжали этот дар благодатной любви, с которой они принимали каждого. Отец Иоанн прошел тюрьмы, допросы, пытки: ему пальцы ломали. Это сейчас нам все это известно, а тогда мы ничего этого не знали. Как не знали, что и отца Кирилла (Павлова) в суд вызывали, а он явился туда с Крестом и Евангелием. Отца Наума (Байбородина) тоже преследовали. Это люди, выстрадавшие свои духовные дарования.

Мы, можно сказать, птенчиками были. Ездил к ним, окормлялись.

Отец Иоанн давал мне читать духовную литературу. Благословил поступать в семинарию. Мне это не сразу удалось сделать. До этого я работал в Академии наук. Отцу, помню, сказал:

— Поехал на дачу.

А сам отправился экзамены сдавать в Свято-Троицкую Сергиеву лавру, в семинарию. Тут же меня вычислили, вмешавшись, сотрудники «органов», промурыжили две недели. Вызвали отца, он написал заявление, что он против моего поступления в семинарию. Этим моя первая попытка получить духовное образование и закончилась.

Время тогда было такое, что по факту подачи документов на поступление в семинарию ты для советского государства становился точно иностранцем. Нигде официально учиться и работать ты уже не мог. Приняли меня потом на работу только в переданный Церкви первым в 1983-м году Данилов монастырь.

Приезжаю к отцу Иоанну, рассказал ему все, а он все равно благословил:

— Поступай.

Так, его молитвами, не с первого раза, но я все-таки поступил в семинарию.

Время тогда было сложное, а для нас — тех, кто уже возрастал при Церкви — все равно отрадное: жить словом и благословением старца.

Раньше мы ездили в Свято-Троицкую Сергиеву лавру или в Псково-Печерский монастырь всегда с определенной целью, каждый за конкретным благословением, и были настроены сказанное выполнять. Тогда народ был покрепче: если старец сказал, значит, так тому и быть, — дорожили каждым словом. Поэтому Господь и являл старцев.

Сейчас все иначе. Угодники-то, может быть, где-то и есть, но живет себе такой человек Божий в однокомнатной квартире где-нибудь на 11-м этаже многоквартирного дома в спальном районе, — и никто ничего о нем и знать не знает.

Каждому времени Господом пощени свои трудности и свои благословения: сейчас свобода, так надо пользоваться ею. Столько печатается духовной литературы, — берем ли мы на себя труд чтения?

Вот надо тебе что-то у батюшки Иоанна спросить, — да открой же ты томик его писем! Не гадательно, а вдумчиво, — и живи с рассуждением, так, как он благословляет.

«СЛАВА БОГУ, ВСПОМНИЛИ, ЧТО НАША ЦЕРКОВЬ ВОИНСТВУЮЩАЯ!»

Игуменья София (Силина), настоятельница Воскресенского Новодевичьего монастыря, Санкт-Петербургская епархия:

— Когда в начале 1990-х годов начался церковный подъем, я была приглашена на работу в Санкт-Петербургскую духовную академию и по благословию ее ректора, протоиерея Василия Стойкова, взялась за переговорный процесс с руководством техникума, занимавшего историческое здание духовной школы по адресу Обводной канал, 7. Там было много перипетий, но впервые вопрос решался не кулуарно в чиновничьих кабинетах, где заправляли бывшие уполномоченные по делам религии, а получил публичную огласку в СМИ, и дело дошло до суда. Это был прецедент.

Кто-то тогда съездил к отцу Иоанну и рассказал ему о происходящем. Реакция батюшки была такова:

— Слава Богу, вспомнили, что наша

Церковь воинствующая! — воскликнул он, перекрестившись.

Отец Иоанн во всем был сторонником благоразумной умеренности. Один игумен монастыря, бывший студент и преподаватель СПбДА, закончив Академию и защитив кандидатскую диссертацию, спросил у батюшки совета: поступать ли ему в аспирантуру.

— Сынок, не надо, а то для Церкви один костюм останется, — со свойственным ему юмором ответил старец.

Очевидно, что в этих словах — не только забота о здоровье, но и напоминание о том, что надо оставить силы собственно для служения Матери-Церкви.

Помню, как у меня самой был очень сложный в духовном плане период жизни, мне было очень тяжело нести крест игуменства по разным причинам — прежде всего по моим собственным грехам, потому что если свои грехи давят, то немощи других людей чувствуешь обостренно, как стрелы, пущенные в тебя. Тогда я и написала письмо отцу Иоанну. Излила все свои скорби, проблемы, переживания. «Батюшка, наверное, не нашел времени ответить», — думала я, письмо все-таки было длинным-длинным, многостраничным. «Его еще и прочитать — сколько времени надо»; «А может быть, письмо не дошло, потому что я его отправила просто по почте», — один за другим одолевали помыслы.

И вдруг спустя два или три месяца приходит ответ! Открываю конверт, там фотография камушка, на котором изображен молящийся с воздетыми руками батюшка Серафим Саровский. А на обратной стороне рукой отца Иоанна надпись: «Матушка, Свет Христова Воскресения виден только со креста».

Так и воинствуем. Этим назиданием и спасаемся.

«ОТЕЦ ИОАНН ВИРТУОЗНО РЕШАЛ ДУХОВНЫЕ ВОПРОСЫ»

Иеросхимонах Валентин (Гуревич), духовник московского мужского ставропигиального Донского монастыря:

— Первый раз мы приехали в Печоры небольшой компанией, во главе с отцом Сергием Ткаченко, тогда еще мирянином.

— Сначала надо пойти в храм на службу, а потом уже заниматься обустройством, — настаивал он нас.

Он к тому времени уже побывал во многих монастырях, и везде у него были знакомые келаря. В Печорах он знал отца Анастасия (Попова), который нас разместил у монахини Маргариты, жившей в городе и трудившейся у него на складе. Потом я неоднократно еще останавливался у нее.

Послушание нам дали на профформе. Там тогда заведовал ею отец Иероним (Верендякин), впоследствии известный санкт-сарский схиигумен.

Когда я впервые в тот приезд увидел братию Псково-Печерского монастыря, мне даже ни с кем не хотелось общаться, о чем-то говорить. Меня настолько потрясла молитвенная тишина обители, что я, вернувшись в Москву, значительно сократил посещение различных «тусовок» творческой молодежи, завсегдаем коих ранее был.

Каждый год летом я стал приезжать в Печоры, специально подгадывая свой отпуск ко времени возвращения отца Иоанна (Крестьянкина). Он обычно отдыхал где-то до 1 августа, а на память преподобного Серафима Саровского уже служил в обители или где-нибудь в окрестностях на престольном празднике. В эти же дни шли празднования в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» с грошиками и памяти пророка Божия Или.

Помню, как мне матушка Маргарита как-то устроила поездку в храм Или пророка в деревне Юшково, что в часе езды от Печор. Эта деревянная церковь стояла на холме и точно парила над лесом. В тот день, когда там на престольный праздник памяти пророка служили втроем тогдашний правящий архиерей Псковской кафедры владыка Иоанн (Разумов), отец Иоанн (Крестьянкин) и 45 лет настоятельствовавший там удивительно кроткий, тихий архимандрит Паисий (Семенов), над куполом храма сверкали молнии. Это была незабываемая служба. Отец Иоанн при вспышках этого белого света, при раскатах грома и сам был сосредоточенно молниеносен во всех движениях за богослужением.

Это удивительный человек. Всегда такой стремительный, благодатный. Быстро продвигаясь после литургии от храма к тра-

Продолжение на 7-й стр.

Мы все еще являемся воспитанными христианами культуры. И все-таки сознание человека сегодня стремительно меняется, прогибаясь под современные, совсем не христианские стандарты. Психолог, антрополог, ректор Института христианской психологии протоиерей Андрей Лоргус рассказывает о вере, о сознании, а заодно о том, куда деваются настоящие мужчины, зачем нужны родственники и почему женщины иногда поступают как подростки.

ОТКРЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА

– **Наше время можно назвать постхристианским?**

– Да, прошли те времена, когда христианские принципы считались наивысшими на всех уровнях общества, вплоть до государственного.

– **А было такое?**

– В Средние века, конечно, было. Тогда христианские ценности господствовали. Другое дело – как они понимались. Иван Грозный – это тоже Средневековье, жестокое и страшное. И все-таки тогда христианскую мораль никто не мог открыто подвергнуть критике. В сознании человека она была главенствующей.

– **Вообще, человек сильно изменился с распространением Евангелия?**

– Изменилось отношение к личности. И это главное. Своим воплощением в Христе Бог поднял человека на небывалую высоту. Он избрал для своего воплощения на земле человека как такового, со всеми его потребностями – в еде, питье, отдыхе, потребности в любви и поддержке. Такого нет больше ни в одной культуре или религии мира.

Человеческая личность, человеческая жизнь нигде не ценится так высоко, как в мире христианском. В эллинизме, например, было возможно деление людей по здоровью, по полезности, значимости. В ветхозаветном мире ценна не человеческая жизнь вообще, а жизнь сынов Израилевых – амаликитян или ферезеев, например, можно стереть с лица земли и забыть про них.

Христос объявил «тотальное» уважение ко всем – к больным, немощным, нищим, бесполезным и т.д. ЧЕЛОВЕК – вот цель миссии Христа. Но и Сам Христос Человек. Это и есть христианский гуманизм.

Вообще, гуманизм зародился внутри идеи христовости. «Человек – это звучит гордо» и прочие высокие слова, к которым мы привыкли, по сути своей христианские. Хоть Средневековье человека и не щадило, тем не менее, эта ценность осознавалась и тогда, и намного раньше. С самых первых шагов христианства, с первых писаний апостола Павла было понятно: человек как таковой есть несомненная ценность, потому что он образ и подобие Божие.

И еще – христианство возвысило понятие семьи. Правда, особых законов относительно семьи оно не разрабатывало. Но возникло представление о том, что человек призван к моногамии и однобрачию. Языческий мир никогда так к семье не относился, многоженство было принято. В Ветхом Завете наложили не осуждали. Только христианство ввело строгие семейные нормы и сформулировало жесткие ограничения в сексуальной области. Эти нормы трудно исполнимы, но они самые возвышенные. Понятие семьи как Малой Церкви – такое возможно только в христианстве.

– **Получается, что всю современную мораль дало миру именно христианство.**

– В том-то и дело! А сейчас общество делает вид, что его сознание, его культура, его ценности возможны при соблюдении принципа религиозного плюрализма. Что человеческие свободы, которыми сейчас гордятся Европа, к религии отношения не имеют. Мы исповедуем христианские ценности, но называем их общечеловеческими. Это и есть один из главных признаков постхристианского сознания – разрыв между корнями и плодами. Плоды взяты, а корни отвергнуты.

Второй признак, который я бы выделил – боязнь Церкви. Значительная часть общества готова признать христианство как свою идеологию, даже как свою веру. Но – без Церкви.

Третий признак – мировоззрение людей выстроено по мозаичному типу. В чем-то они христиане, в чем-то рационалисты, в чем-то иррационалисты, доверяющие магии и самым разным суевериям. Для христианского сознания, в лучших его образцах, мировоззрение может быть только цельным, теоцентричным. А сейчас даже очень талантливые мыслители при всей своей христианской глубине могут быть в чем-то язычниками.

– **Они свободны выбирать, когда и во что им верить.**

– Это верно. Но вопрос, на что человек свою свободу использует. Как ведет себя подросток? Получив свободу, он первым делом говорит «нет». Он еще не знает, от чего отказывается, но на всякий случай – «нет». Это его способ самоутверждения. Довольно беспомощная позиция. Взрослый пользуется сво-

бодой, чтобы найти свой позитивный взгляд на вещи, а не для того, чтобы все отвергнуть.

Так вот, постхристианское общество сейчас беспомощно, потому что пытается утвердить свои ценности ни на чем, на пустоте и на протесте. Современная светская мораль утверждает, что общечеловеческие ценности должны признавать все – не потому, что они от Бога, а потому что это должны признавать все.

– **Между личностью и родом**

– **Разве гуманизм не есть нечто самоценное?**

– А нет ничего самоценного, кроме Бога. У каждого человека ценности определяются вполне ощутимыми, конкретными вещами – традициями семьи, его личной верой, его убеждениями или его собственным открытием. И без традиций, без религии, без философии ценность гуманизма не очевидна, как и любая другая.

Возьмем семью, например. Общество порвало с тем патриархальным укладом, который был свойствен христианской антропологии. А новых оснований для семьи вне христианства нет. Поэтому детско-родительские, семейные отношения попросту рассыпаются – они ни на чем не держатся.

– **Значит, семья на протяжении исто-**

рии человечества держалась чуть ли не насильственно, под давлением идеологии?

– Почему насильственно? Христианская антропология хороша не потому, что она утверждена Евангелием. А потому, что она действительно соответствует сути человека. И в этом легко убедиться. Если патриархальность действительно человекна, она должна проявляться в других религиях. И она проявляется. Посмотрите на семейный уклад в мусульманстве, в иудаизме, он будет очень схож с христианским. Монотеистические религии патриархальны. И это свидетельствует о том, что природа человека наилучшим образом раскрывается в патриархальных условиях.

– **Патриархальный строй подавляет человеческую личность.**

– Конечно. Но вовсе не потому, что он в принципе устроен плохо. Просто семейно-родовой строй выполняет прежде всего задачу сохранения рода. У него нет цели воспитания отдельной личности. Увы, это так. А христианство наравне с поддержанием рода поставило совершенно новую задачу – воспитание личности, вопреки и благодаря родовой, патриархальной системе общества. Стало быть, христианство поддерживает и то, и другое. И то, и другое соответствует природе человека.

И мы с вами тоже живем в динамическом обмене между личностью и родом, между молотом семейно-родовых отношений и наковальней наших внутренних побуждений к самоутверждению и самовыражению. Когда я подросток, и мне нужно достичь самостоятельности, я отделяюсь от родителей. Но как только я хочу жениться – я возвращаюсь к семье и говорю «благодарю». Потому что я чувствую, какую важную поддержку может оказать мне семья в начале моей семейной жизни.

– **А они возьмут и не благословят. Да еще и проклянут.**

– Да, тут возможна масса конфликтов. Но разговор сейчас о другом: я нуждаюсь в этой поддержке.

Затем, когда я создал семью, моя задача сделать так, чтобы родственники в мою семейную жизнь не лезли. Благодарю – отойдите. А когда у меня рождаются дети, мне опять нужна семейная поддержка. Необходимо включить детей в семейно-родовую систему. И вот я веду их в гости к бабушке, чтобы они посмотрели ее старые семейные фотографии, чтобы померили ее украшения...

Но когда у меня с женой конфликт, я снова выстраиваю границы, чтобы не допустить родню до своих внутренних семейных дел. Зато если я развожусь, мне не на кого опереться, кроме как на свою семью. И я опять начинаю ценить своих вездесущих бабушек-тетюшек. И когда я хороню отца, мне очень важно, чтобы приехала вся родня. И когда я выдаю замуж дочь, я хочу, чтобы на свадьбе была вся родня.

Всю жизнь мы существуем между этими двумя началами – индивидуальным и семейно-родовым. Христианство и то, и другое поддерживает. То, что началось в эпоху гуманизма – это перекося, индивидуализм начал перевешивать, и семейно-родовой уклад в Европе по сути дела исчез.

МУЖЧИНОЙ БЫТЬ ОПАСНО

– **В России семья постигла та же участь, что и в Европе?**

– Патриархальность в России была уничтожена большевиками, для них главным вра-

гом был самостоятельный мужик – «кулак», офицер, рабочий, священник.

Традиция пока еще теплится, но в очень странном виде – носителями патриархальной традиции у нас оказались бабушки, а не дедушки. Почему так сложилось? Именно потому, что мужчин уничтожили в течение 80 лет. Тех, кого не уничтожили физически, сломали морально. Сломанный мужчина – это либо алкоголик, либо очень послушный муж, смиренный чиновник, маменькин сынок.

А посмотрите, каким сейчас рисуется идеальный православный мужской образ: худощавый господин с тихим голосом, смиренно потупленными глазами. В его облике очень мало мужественности. Мужчина дерзновенный, который идет в леса, строит самолеты, осваивает новые земли – нет, это не идеал религиозного человека.

– **Ну, так почему они стали такими женственными?**

– Потому что мужчиной быть опасно – убьют, посадят, осмеют. Мужчина настоящий не идет на компромисс, а это значит, что он не сговорится с женой, тещей, с начальником, с чиновниками. Наше общество стремится мужчину сломать. Этим занимается семья, школа, армия, этим занимается бюрократия,

вплоть до самого высшего уровня.

– **Значит, речь идет о мужской эволюции, о естественном отборе?**

– Это искусственный отбор. Это деградация нации и государства. Мужчин нет – нам не за кем идти.

– **Женщины принимают эстафету...**

– Женщина предназначена для другого. Она призвана обеспечить выживаемость семьи и детей. Мужчина максимально себя проявляет там, где общество расширяется, развивается, осваивает новые территории, новые виды деятельности, новые идеи. Максимум, что может женщина – это помочь мужчине отдохнуть, набраться сил, чтобы он шел дальше прокладывать дороги, делать открытия.

Если женщина президент, что в этом положительного? То, что государство скорее всего не втянется в войну. Женщина лучше со всеми договорится. Как матери ей важно, чтобы все было живы, сыты, одеты, ей нужна стабильность, спокойствие, уверенность. Ей нужно знать, что ее дети не погибнут на войне, что муж вернется с работы домой. Поэтому она не будет воевать. Но она и вообще не будет рисковать.

С женщиной невозможно развитие, потому что развитие – это риск. Когда ей говорят, что надо развивать инновационные направления в экономике, она говорит: «А мне и со старыми хорошо». «Нужны новые территории!» – «А мне и старых хватает». Развитие общества держится на мужчинах. Женщины спасают страну в период «зализывания ран» и восстановления численности населения после войн и катастроф, а вот новый шаг страна и нация делают тогда, когда есть достаточное количество молодых крепких мужчин, которые способны этот шаг сделать.

– **Вы связываете процесс вырождения мужчин с революцией?**

– В России – да, с геноцидом, с войной. Но самое главное не это. Главное – идеология. Социализм – это общество, построенное по женскому типу. При социализме больше всего выигрывает женщина, потому что этот строй гарантирует ей социальную поддержку. Здоровый мужчина в социализме не нуждается, он сам выстраивает свою жизнь, сам создает для себя социальные условия.

– **Но в Европе нет социализма.**

– Социализм в Европе есть, и он там побеждает. Именно такой социализм, либерально-демократического толка, где можно жить, не работая. Это сильно бьет по мужчине. В старой Европе растет количество слабых, социально зависимых людей. И это лицо социализма. Правда, европейское духовное пространство открыто для творчества, для инициативы. В целом у мужчин есть перспектива развития. Но нет патриархальной перспективы. В семье она пресечена.

– **Плоды отделены от корней?**

– Без корней плоды высохли. Сначала начал вырождаться мужчина, затем – семья. Европа пришла к тому же результату, что и мы, но другим путем. Сначала она породила суфражисток, затем феминисток. Потом пришла очередь эмансипации.

Задача эмансипации очень гуманная, христианская по сути – признать женщину равноправной, дать ей права и свободы. С христианской точки зрения, так и должно быть, потому что основная христианская идея – в свободе и утверждении ценности каждой личности. Но когда женщине предоставили равные права, патриархальные отношения распались, и роль мужчины как главы семьи стала исчезать.

– **Как может христианская идея привести к распаду христианских ценностей?**

– Я думаю, тут женщины поступили по подростковому принципу. В своем нигилизме они отказались от того, что надо было сохранить. Они отказались от первенства мужчины, отняли у него руководящую роль. И без этой роли мужчина обмяк. Инфантилизация мужчин происходит именно в постхристианских странах. Больше нигде этого нет. Женщины победили «врага» в лице мужчины, но одновременно потеряли семью, которая, на самом деле, для них намного важнее, чем многие феминистские завоевания.

ЭРА НОВОЙ ВЕРЫ

– **Похоже, сейчас человечество впервые за свою историю пытается жить без религии?**

– Пожалуй. Впервые огромные массы людей провозглашают своим выбором атеизм или агностицизм.

Правда, я думаю, что это не совсем так. Надо различать религию и веру. Очень многие исповедуют веру в себе, хотя и отказываются от принадлежности к какому-либо религиозному сообществу. Не так уж много людей готовы заявить, что они вообще отрицают бытие

«ХРИСТИАНСТВО» БЕЗ ХРИСТА

Божие. Человек религиозен по своей природе. Это не мое личное убеждение, это антропологическая норма, научное утверждение.

Но религия в постхристианском мире – крайне раздробленная и запутанная. Она может проявляться в суевериях, в оккультизме. Для ученых советской закалки такой религией могла быть наука. Это все говорит о том, что мир не атеистичен.

Но религия больше не является нравственной основой общества. Посмотрите конституцию. Все, что там объявлено – в той или иной степени христианские ценности. Например, право на жизнь, на жилище, на труд. Все конституции взяты из заповедей Моисеевых и заповедей Христовых. А сегодня эти идеи транслируются нам как светские: в виде юридических норм, бытовых, общечеловеческих.

– **Какие перспективы у христианских норм без христианства?**

– Ну вот, пожалуй, эвтаназию разрешают, однополые браки разрешают. Христианские ценности, будучи оторваны от первоисточника, размываются. Вне вероучения они уже не однозначны и не абсолютны.

– **Если человек религиозен по своей природе, значит, он будет искать новую веру взамен утраченной. Может быть, место религии займет психология? Раньше, сталкиваясь с какой-то нравственной проблемой, человек думал: «Надо будет посоветоваться с духовником». Теперь эта фраза в устах американца звучит несколько иначе: «Надо будет обсудить это с моим психотерапевтом». Психологизм как продолжение гуманизма – по-моему, это вполне логично.**

– Религия и психология все-таки выполняют разные функции. Известный австрийский психолог Альфред Лэнгле говорил: «Я дохожу до грани своей терапевтической компетенции, за которыми начинается духовная жизнь, и останавливаюсь. Потому что это уже не мое «поле»».

Просто мы привыкли к тому, что в церкви духовное руководство в какой-то степени подменяет психотерапию – в трудных ситуациях человек идет к священнику, и тот ему дает, по сути, психологический совет. Сейчас ситуация постепенно меняется – с психологическими вопросами человек начинает обращаться к психологу, что, на мой взгляд, вполне естественно. Религия – это путь человека к Богу, а не решение личностных проблем.

Правда, некоторым действительно кажется, что психология может заменить духовную жизнь, другие искренне считают, что духовная жизнь заменит им психотерапию. И тех, и других ждет горькое разочарование. Потому что в психологии бесполезно искать священного, а в религии – психологического. Сколько ни копайся в себе, рано или поздно дойдешь до той черты, где в твоей душе, в твоей психике начинается тайна Божья. И тогда понимаешь, что это уже нечто совсем иное, необъяснимое никакими психологическими законами. Другой уровень.

Поэтому серьезные психологи никогда не отрицают глубины и значения веры. Даже атеисты. Бывает, что неверующий психолог говорит своему клиенту: «С этим вопросом вам надо не ко мне, а в церковь». Он видит, где кончается сфера его компетенции и начинается нечто непостижимое и божественное.

**Беседовала
Евгения Власова**

«УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК, СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ, БЛАГОДАТНЫЙ»

Памяти архимандрита Иоанна (Крестьянкин)

Продолжение.
Начало на 5-й стр.

пезной по коридору, образованному паломниками, каждому обращающемуся к нему успеет сказать на ходу что-то очень меткое.

А какие необыкновенные у него были проповеди! При том, что говорить он мог около часа, ты не чувствовал времени.

Иногда к отцу Иоанну попасть было очень сложно. Наместник монастыря, грозный архимандрит Гавриил (Стеблуженко), часто поручал на этаже, где находилась келия отца Иоанна, дежурить послушнику, в чьи обязанности входило не пускать тех, кто пытался проникнуть к старцу. Но мы там как-то все-таки, помню, сгруппировались и ждали. Все были в каком-то напряженном состоянии, на взводе.

И тут появился отец Иоанн, он всех тут же пригласил пройти к нему в келию. Прочитал молитву. Помазал всех маслицем. Все успокоилось. Волнение оставило нас. И можно было уже с каждым спокойно говорить. Отец Иоанн меня тогда внимательно обо всем расспросил и дал мне правило.

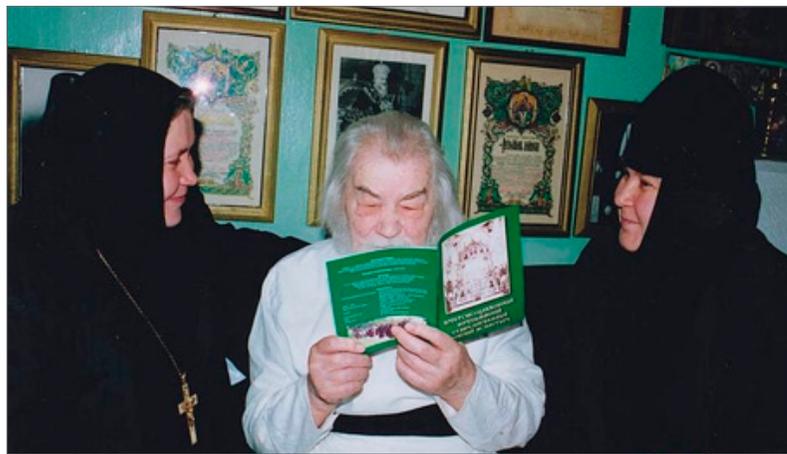
Мне еще раньше отец Наум как-то благословлял Пятисотницу. Но потом меня закрутила масса церковных послушаний, и это делание как-то поугасло. Отец Иоанн сначала благословил совершать сотницу, потом уже поднял планку до 300 молитв, и так постепенно вернул меня к Пятисотнице.

— Продержись семь лет, и я тебя постригу, — сказал он мне.

Правда, в Псково-Печерский монастырь не благословлял поступать.

— Здесь сильное давление КГБ, и многие ломаются. Лучше тебе оставаться в миру, — пояснил.

Когда через семь лет я приехал к отцу Иоанну в надежде, что он меня, наконец, пострижет, по-

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин), игуменя София (Силина) и игуменя Екатерина (Чайникова)

скольку уже прошел намеченный им срок, старец вдруг объявил, что «скоро откроется Донской монастырь, и там тебя постригут»...

Монастырь действительно вскоре, через два года, открылся, и вот я здесь уже более четверти века насельник.

Помню, когда наступила горбачевская перестройка, один из наших друзей, старший научный сотрудник Института Философии АН СССР, который вел свой философский семинар и вместе с тем был уже тогда воцерковленным человеком, чья супруга с двумя маленькими детьми, кстати, была с нами при первом посещении Печор, обратился к нам, участникам его семинара:

— Сейчас можно сделать многое из того, что ранее было невозможно. Потому надо потрудиться.

Многие тогда бросились что-

то делать, как-то «спасать Россию». И вот, помню, один из его последователей однажды приступил к отцу Иоанну с вопросами на тему «как нам обустроить Россию», а батюшка в ответ процитировал ему фрагмент письма некоего инока XIV столетия, который, видимо, отвечал своему современнику на подобные же вопросы:

«...И ты со мною грешным и худым иноком ... совета о сем не имей: еже бы высоту небесную уведети и глубину морскую измерити, и концы земныя обтицати и изчислити, и езерам и рекам каменная стезя художествовати, и весь мир строити, и якоже в круг некий вселенную всю объяти, и всех в един нрав привести и от всея поднебесныя неправду, и лукавство, и всякое злохитрство изгнати, не навылк есмь: понеже безумен и окаянен есмь человек

и не делатель ни которому благу, но точию божественныя и отеческия писания глаголю слышавшим и приемлющим и хотящим спастися».

Отец Иоанн виртуозно решал более частные, например, семейные вопросы. Помню историю одного видного статного офицера, среди «побед» которого числилась не одна покоренная и брошенная им красавица. И вдруг он заболел, — у него начались непрестанные боли в ногах. Это длилось более двух лет, врачи говорили о необходимости ампутации. Вряд ли болезнь позволила бы ему продолжить тот образ жизни, который он вел ранее, и перспектива лишиться ног ввергала его в полное отчаяние: жизнь для него лишалась смысла...

Тогда знакомая старушка и посоветовала ему поехать в некую святую обитель, где обратиться к некоему святому старцу. В другое бы время он по этому поводу мог язвительно пошутить, а тут было не до шуток, и он поехал.

...Батюшка Иоанн исповедовал его три дня. Потом, причастив Святых Таин, послал с монахами косить сено. И только в самом конце недели, в течение которой продолжался сенокос, офицер вспомнил о своих ногах: они у него впервые за два года не болели! Понял, что исцелен. Вернувшись к старцу, бросился в ноги, готовый из чувства благодарности исполнить все, что только ему скажут. Просил тут же, для проверки, дать ему какое-нибудь поручение. И в ответ услышал следующее:

— Вот встретится тебе женщи-

на. Дурнушка. И полюбит тебя. Ты должен на ней жениться...

Все произошло так, как сказал старец.

Этот человек, став семьянином и отцом, продолжал приезжать к батюшке Иоанну уже со своей супругой и детьми.

А еще помню, как к отцу Иоанну приехали муж и жена, уже несколько лет состоявшие в супружестве, не венчанном, но зарегистрированном в согласии с гражданским законодательством. И вот теперь, уверовав, они решили привести его в согласие с законодательством Божеским и приехали просить благословения у старца на венчание.

Заняв свое место в образованном паломниками длинном живом коридоре по пути следования отца Иоанна из храма в трапезную, супруги дождались, когда очередь дошла до них. Батюшка Иоанн, благословляя мужа, внимательно посмотрел на него и сказал:

— Ты его украла.

Потом, благословляя жену:

— И ты ее украл.

Оба были поражены; действительно, для каждого из них это был второй брак, ибо когда начался их роман, каждый уже состоял в супружестве и имел детей. Венчаться старец благословил...

Этот человек, знаю, много потрудился для Церкви и сейчас трудится.

Так отец Иоанн водворял нас на узкий путь Жизни.

Подготовила
Ольга Орлова

ВИЗАНТИЙСКОЕ ИСКУССТВО — ПРОРЫВ К СВЕТУ, А НЕ ЗАНУДСТВО

«В византийском искусстве мы никогда не встретим размышлений над негативными сторонами жизни. Византия создала искусство торжества, праздника, радости. В нем нет трагического, нет темы страха, ужаса, отчаяния. Византийские художники практически никогда не изображали черта. Даже на иконах «Страшный суд» или «Лестница», где без нечистой силы не обойтись, бесы совсем не страшны. И это, если вдуматься, существенная сторона византийского мирозерцания», — рассказывает Ольга Попова, доктор искусствоведения, один из крупнейших специалистов по Византии. А что еще интересного было в том, как византийские художники видели и чувствовали мир? Об этом наш большой разговор с Ольгой Сигизмундовой.

ЧТО ТАКОЕ ВИЗАНТИЯ?

Византия — государство, которое сформировалось после смерти императора Феодосия I (346–395) в результате раздела Римской империи на две части — восточную и западную. Собственно, Восточная Римская империя и есть Византия. История ее растянулась более чем на тысячу лет (395–1453). Византийцы гордо называли себя «ромеями», единственными наследниками Древнего Рима, и по сути имели на это полное право.

Столетиями Византия определяла политику во всем цивилизованном мире. Многие историки утверждают, что именно отсюда на Русь пришло христианство (988). И древнерусское искусство во многом сформировалось на базе византийского культурного наследия.

Византия подарила миру одну из самых совершенных систем права, множество памятников мировой архитектуры, шедевры пластического и поэтического искусства, богатейшее богословское и философское наследие. Трагическое падение Константинополя под натиском турков-османов (1453) ознаменовало собой не только гибель Византийской империи, но и символический закат эпохи — Средних веков.

ЧЕГО НЕ НАЙТИ В ВИЗАНТИЙСКОМ ИСКУССТВЕ?

— Ольга Сигизмундовна, но ведь на средневековых западно-европейских иконах и картинах мы постоянно встречаем изображения нечистой силы...

— Конечно, и в этом смысле средневековое искусство Западной Европы действительно отличается от византийского: здесь черты и вообще демоническая сила играют огромную роль в художественном сценарии и построении композиции. Человек, подходящий к романскому собору, должен увидеть такое, от чего он точно придет в трепет. И этот страх должен натолкнуть его на какие-то очень важные размышления. Перед ним разворачивается сцена Страшного суда, где дьявольские силы изображены предельно натуралистично и производят неизгладимое впечатление: у бесов огромные пасти, клыки — сожрут не задумываясь!

Ничего подобного в Византии нет. Здесь в сюжете Страшного суда доминирующую роль играет райская композиция, а адские мучения — вторичны и не оказывают такого устрашающего воздействия на человека.

— Помимо темы страха и отчаяния, чего еще мы никогда не встретим в византийском искусстве?

— Реализма. Натуральным, природным, естественным здесь никогда не интересовались. Все свои образы византийские художники создавали над натурой, как бы минуя материальное и прорываясь к вечному. Можно сказать, что они изображали не сами материальные предметы, а божественные «идеи» о них. Нет в византийском искусстве и резкости движений, динамики — здесь все упорядоченно, гармонизированно, созерцательно.

— С чем связаны такие различия искусства западно-европейского и восточного, византийского? Ведь это же одна и та же эпоха...

— Чтобы ответить на этот вопрос понадобится не одна и даже не две лекции — настолько это огромная тема. Поэтому ограничусь лишь несколькими замечаниями. Во-первых, в западном и восточном христианстве сложились свои специфические мировоззренческие оттенки. В том числе и из-за этого постепенно наметились и различия в искусстве.

Византийское искусство насковозь пропитано классическими, античными образами. Для Византии античность была родным домом, который она никогда не покидала. Здесь не случилось той катастрофы, которая произошла на Западе: древние традиции не пресекались, ремесло развивалось, города продолжали расцветать. Европа же пошла иным путем. После завоевания ее территории варварами она утратила свое средиземноморское культурное наследие и потом столетиями напряженно пыталась его себе вернуть. И этот поиск классических форм в конце концов увенчался блестящей эпохой итальянского Ренессанса.

Для православного мира самый главный, центральный праздник — это Пасха. Она — вершина церковной жизни, пик чело-

веческого бытия. На Западе же Пасха играет более скромную роль. Там центральным торжеством является Рождество. Даже сегодня, если вы в святочные дни попадете в любую европейскую страну, то увидите, с каким размахом отмечается этот праздник: сказочно украшенные улицы, ломящиеся от подарков магазины, праздничная суета, гуляния. Конечно, и у православных Рождество — очень важный и любимый праздник, но все же наивысшее, предельное торжество — это Пасха.

Кроме того, на Западе был сделан акцент на человеческой судьбе Спасителя. Внешний, человеческий образ Христа, перипетии Его жизни здесь, на земле — вот что интересовало каждого западноевропейского художника. Выделяется даже особый иконописный (а позднее и художественный) цикл — страстной, сфокусированный на событиях последних дней земной жизни Иисуса Христа. Нельзя сказать, что подобного цикла нет в православной культуре, тем более, что в Византии он также был очень важен, но все-таки главное в византийском искусстве — это Сам образ, лик Христа, Его внутренняя глубина.

— Разве латинское искусство лишено глубины?

— Нет. Я вовсе не хочу, чтобы ваши читатели воспринимали меня как противницу латинского искусства. Это совсем не так. Я лишь пытаюсь передать различие оттенков, не более. Моя французская коллега, профессор Сюзи Дюфрен однажды сказала: «Для вас, православных, самое главное — образ. А у нас главное — это слово, текст. Поэтому у нас не получается так вникать в византийское искусство, как это делаете вы».

ХРИСТИАНСКАЯ АНТИЧНОСТЬ: ВОЗМОЖНО ЛИ?

— Что было для византийцев источником вдохновения?

— В Византии было и светское искусство. И, по-видимому, чрезвычайно

Продолжение на 8-й стр.

ВИЗАНТИЙСКОЕ ИСКУССТВО — ПРОРЫВ К СВЕТУ, А НЕ ЗАНУДСТВО

Продолжение.
Начало на 7-й стр.

развитое и богатое. Но, увы, от него до нас практически ничего не дошло. Если же говорить о религиозном искусстве, то оно выстраивалось вокруг догмата о Боговоплощении: Бог стал человеком, Он стал видим и, следовательно, может быть изображен.

Когда отцы Церкви формулировали догмат о Боговоплощении, антропоморфное искусство (ориентированное на изображение человека. — Прим. ред.), на котором стояла античность, стало допустимым и в христианском мире. И произошел удивительный сплав, в котором античная форма наполнилась абсолютно новым, христианским содержанием.

Но самое удивительное в другом. История Византии полна убийствами, переворотами, подлостями. В этом смысле она ничем не отличается от западной средневековой истории. Это был период, отмеченный приматом силы, и идея, что власть может быть получена любой ценой, была одной из главных. И вот в таком византийском обществе, мягко говоря, не отличающемся высокой нравственностью, создается искусство, которое способно размышлять о Божественном на такой головокружительной высоте.

— А Вы считаете, что такие размышления — удел аскетов?

— Нет, мне важно показать, что даже несмотря на мрачность и жестокости той эпохи, у византийских художников сохранилась великая устремленность к святости. Они выработали поразительный стилистический язык, с помощью которого создавали глубочайшие образы.

Язык, на котором говорит византийское искусство, безусловно наполнен символами, которые нужно уметь расшифровывать. Но иначе нельзя было решить такую грандиозную задачу: изобразить то, во что человек верит, то есть нечто принципиально невидимое, нематериальное.

— То, что Спаситель или святые на иконах и фресках изображались на золотом фоне — одно из проявлений подобного символизма?

— Конечно. Дело в том, что в сознании византийцев золото символизировало Божественный свет. Вообще-то природа света передавалась не только золотом, но и белилами. К примеру, на фресках Феофана Грека на ликах и одежде святых большие белые «движки» света. И фигуры людей расчерчены световыми линиями. Это так называемые пробела (высветление одежд, зданий, горок и пр.) — свет, который насыщает всякую художественную форму. А золотой цвет всегда символизировал присутствие Божественного света.

Можно вспомнить икону Богородицы, которая называется «Ярославская Оранта» («оранта» переводится как «молящаяся». — Прим. ред.). Она хранится в Третьяковской галерее. На этой иконе вся одежда Богородицы расчерчена массивными золотыми штрихами — так называемыми ассистами, — которые напол-

няют ее фигуру Божественным светом.

СКУЧНОЕ ИСКУССТВО?

— Художественное наследие Византии представлено главным образом иконописью. Но икона консервативна, подчиняется строгим канонам. Значит ли это, что византийское искусство просто застыло?

— То, что византийское искусство застывшее и занудное — миф.

Оно не знало стагнации. У него тысячелетняя биография (с IV по XV век. — Прим. ред.), со своими взлетами и падениями. И иконописные образы не всегда были одинаковыми: они перерабатывались, дополнялись новыми деталями, реагируя на те или иные исторические события. Икона

ересь иконоборчества было покончено, византийское искусство пережило взлет. В Константинополе для Софийского собора создается образ Богородицы с Младенцем, сидящей на троне, а по бокам два архангела — Михаил и Гавриил. Это утонченный образ, с прекрасными, аристократическими ликами. Он буквально пронизан тончайшей внутренней поэтичностью. Такой мог появиться только в столице и, видимо, создавался какими-то высокородными, знатными художниками.

Примерно в это же время в Салониках (территория современной Греции. — Прим. ред.) существует другой художественный центр, создавший мозаики местного Софийского собора. В куполе этого храма — композиция «Вознесение Христово»: Господь в окружении ангелов поднимает-

храмах имелась своя библиотека. Одна из самых крупных находилась в Софийском соборе в Константинополе.

Вообще, о соборе Святой Софии стоит сказать отдельно, потому что он стал своеобразным символом византийского искусства. В нем представлены все наивысшие творческие достижения империи. Это был самый большой собор в Византии. Внутри него — колоссальное пространство, с огромным количеством окон, от чего весь храм буквально залит потоками света. И эти потоки в определенное время дня имеют определенное направление — так искусно они спланированы.

Безусловно, Софийский собор — пример инженерного гения. Взять хотя бы знаменитый купол, который считается самым большим в мире. Он очень тяжелый.

впитывала в себя и постоянно шедшие в империи богословские споры.

— А как же канон?

— Конечно, иконографическая «догма» всегда была устойчивой и неизменной. Но к XIV веку, в период поздней Византии, иконография становится чрезвычайно разветвленной — умножается количество сюжетных деталей — и все более «разговорчивой», литературной, повествовательной. Но парадокс в том, что вместе с приобретением этого творческого многообразия она утрачивает свою целостность, свой внутренний духовный стержень: он как бы заслоняется этой внешней детальной пестротой.

А вот классический византийский образ не обладает такой «литературностью», и в этом его величайшее значение: в своей предельной простоте византийская икона достигала глубочайшей степени выразительности.

— И как удавалось сохранять такое единообразие на территории огромной империи?

— А в разных регионах империи иконописные школы двигались своими путями, вырабатывая собственную стилистику. Вот например: после IX века, когда с

ся на небо. Христос находится в круге — это сияние Божественной славы, а вокруг расположены фигуры Его учеников и Богородицы. В этом образе нет константинопольской утонченности, он выполнен мощно, ударно, экспрессивно.

Византия знала разных мастеров, разные художественные школы, подходы, стили. Поэтому искусство здесь постоянно находилось в развитии.

— А храм для византийцев был только центром религиозной жизни?

— Нет, это был еще и своеобразный информационный центр, настоящая энциклопедия. Попадая в него, человек оказывался в пространстве, наполненном различными изображениями. Здесь были и образы святых, и некоторые моменты их жития, и сюжеты библейской истории, и порой важнейшие события истории государственной — все это формировало специфику мировоззрения, фундаментальный набор представлений о мире и о человеке.

Кроме того, священник почти за каждым богослужением читал проповедь, которая нередко касалась каких-то злободневных проблем в империи. В некоторых

И во время строительства, чтобы нейтрализовать распор (ту силу, которая стремится обвалить купол. — Прим. ред.), пришлось по бокам главного купола достроить еще два полукупола, а к ним с каждой стороны — еще по три. Только так удалось нейтрализовать нагрузку на центральный купол.

«СТО ТЫСЯЧ ПОЛУТОНОВ»

— Бытует мнение, что византийская икона никогда не отражала реалии той или иной эпохи. Что по ней, например, нельзя узнать, как одевались византийцы, в каких домах жили и так далее. Это так?

— Нет, это неверно. Художник — это же не какая-то абстрактная величина. Он живой человек, который, создавая икону, вписывал в нее то, что видел вокруг. Например, по изображениям императоров на фресках или иконах вполне можно получить представление о костюмах, принятых при дворе. Более того, можно даже распознать из каких тканей их шили.

Я много лет занимаюсь древними византийскими рукописями. Когда открываешь старинное Евангелие, перед началом каждого текста изображен евангелист, его написавший. Рассма-

тривать эти миниатюры очень увлекательно. Вот, скажем, один сидит в кресле за столиком и пишет. На столике лежат разные предметы, необходимые для работы: ножики, перышки, краски. А в самом столике есть открытая дверца, за которой видны запасные пергаменты, колбы с разноцветными чернилами, краски, другие кодексы (книги. — Прим. ред.). Есть еще свитки, которые лежат в специальной корзине. Все эти предметы художник не нафантазировал. Он, как человек, который работал на скриптории, прекрасно знал, каким образом и с помощью каких инструментов создавались и писались книги.

— Книжная иллюстрация была распространенным жанром?

— Да, книжной культуре в Византийской империи всегда уделялось большое внимание. Были даже периоды, когда рукопись как вид искусства доминировала над всеми остальными. До нас дошло достаточно много рукописей второй половины XI века с иллюстрациями, над которыми работали лучшие художники того времени. Они пользовались тоненькими кисточками, благодаря чему им удавалось создавать очень маленькие фигуры и лица. Приходишь в изумление, когда рассматриваешь их через увеличительный прибор — они выполнены как полноценные фрески. Для того, чтобы передать виртуозность таких изображений, я использую выражение «сто тысяч полутонов».

Такое внимание к книжной культуре в Византии неслучайно. Практически на протяжении всей истории империи влияние интеллектуальной элиты было очень весомым. Бывало, что трон занимали императоры, которые покровительствовали наукам, культуре, книжному делу. На личные средства они заказывали в скрипториях манускрипты, которые затем дарили монастырям.

Вообще, византийское общество было очень образованным, с каким-то внутренним духом элитаризма и интеллектуализма. В таком обществе художник просто обязан был становиться мастером: его творчество должно было соответствовать рафинированному вкусу византийцев.

— А что в этом уже таком далеком от нас искусстве может найти для себя современный человек?

— Если человек восприимчив к этим формам искусства, если его притягивает смысловое пространство, то я думаю, чем глубже он будет погружаться в него, тем больше будет думать о Боге. Византийское искусство устремлено к святости, к Божественному. Оно открывает путь человеческой души к Богу. Но если вы равнодушны к Создателю, боюсь, вам не найти себя в пространстве Святой Софии.

Соприкосновение с византийским искусством — это глоток чистого, свежего воздуха: на душе становится легче, светлее. Но нельзя забывать и о главном: христианство утверждает, что человек призван стать богоподобным. Как сказал знаменитый богослов, святитель Афанасий Великий: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом». Византийское искусство тем и дорогое для каждого верующего, что постоянно настраивает ум на Богомыслие.

Тихон Сысоев